

УДК 811.163. 2'282'36

В. А. Колесник,

доктор филологических наук, профессор кафедры болгарской
филологии филологического факультета

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел.: +380487252488

ДИАГНОСТИРУЮЩИЕ ЧЕРТЫ БОЛГАРСКОГО ГОВОРА с. БОЛЬШОЙ БУЯЛЫК (БЛАГОЕВО)

В статье исследуются основные фонетические, морфологические и лексические маркеры говора села Большой Буялык (старые названия: Кошково, Благоево), который относится к юго-восточным болгарским говорам фракийского типа. Черты юго-восточных болгарских говоров фиксируем на всех уровнях. На фонетическом уровне это рефлексы ятя, стабильность консонантов *х* и *ф*, наличие протетического *х*, йотирование гласных в начале слова, особый тип ударения – на первом слоге в существительных среднего рода и глаголах повелительного наклонения, слабая редукция безударных гласных и др. На морфологическом уровне это наличие специфических местоимений (*йяс*, *незин*, *незина*), которые характерны для говоров фракийского типа, и частица будущего времени *ке*. Значительное количество лексических маркеров указывает на фракийский тип говора. Это такие лексические маркеры: *разбой* ‘ткацкий станок’, *хуртувам* ‘говорить’, *хурата* ‘слово’, *дзубринки* ‘шкварки’, *карпуза* ‘арбуз’, *синия* ‘низенький столик’ и другие. К раритетным принадлежат лексемы *дал*, *далче* ‘ветка, веточка’, *транка* ‘колокольчик’, *бацкам* ‘целовать, ударить’, *бубота* ‘кукурузная мука’, *ватральче* ‘кочерга’ и другие. Большое количество заимствований из украинского языка (*балакам*, *балакуч*, *балачка*, *бо*, *бричка*, *бреша*, *бичок*, *виделка*, *драбина*, *клямка*, *шпак*, *хмара*, *хмарно*, *сирники*) обусловлено украиноязычным окружением. Типичной для фракийских говоров является свадебная терминология (*главеш* ‘помолвка’, *главеник* ‘жених’, *слугиня* ‘кухарка’). Уникальными являются названия некоторых праздников, не зафиксированные в других болгарских диалектах Бессарабии (*Лажички*).

Ключевые слова: болгарская диалектология, болгарские переселенческие говоры, фракийские говоры, фонетические, морфологические и лексические маркеры, украинизмы.

Село Большой Буялык (до 1802 г. – Кошково) основано в 1802 г. в котловине реки Кошка недалеко от Одессы беженцами из болгарских сел Буюк Буялык и Пашакьой Адрианопольского вилайета Османской империи. Первоначально в 1802 г. в село прибыло 476 душ [3, с. 18]. В результате многочисленных миграционных процессов в настоящее время в селе проживают носители нескольких болгарских говоров, о чем свидетельствуют вариативные пары: *дуда-*

ла – черница (шелковица), *папашой* – улашка (кукуруза), *зеле* – лахна (капуста), *балтия* – брадва (топор), *синия* – *сухра* (маленький низкий столик) и др. Село разделено на 7 кварталов, которые жители села называют *парцалья*. Это, как правило, носители разного типа говоров, но преобладает так называемый фракийский тип говоров, который относится к группе юго-восточных болгарских говоров.

В Одесской области носители юго-восточных фракийских болгарских говоров проживают также в селах Кулевча, Кубанка, Лошиновка, Новосельское, Островное, Старые Трояны, Суворово, Холмское, Знаменка (Катаржино), Терновка (Николаевская область), частично в селах Василевка (Вайсал) и Заря. Относительно диалектного окружения фракийские говоры делят на две группы – Одесскую и Измаильскую. К Одесской группе фракийских говоров относят говоры сел Кубанка, Свердлово, Знаменка, Кулевча [см. 5, с. 8–20].

Наиболее яркими являются фонетические особенности исследуемого говора. Традиционно болгарские говоры делятся на восточные и западные по рефлексам ятя. Граница, отделяющая эти две основные группы болгарских говоров, проходит от устья реки Вит через города Плевен, Луковит, Пазарджик, Мельник к городу Солунь (Фессалоники). К западу от этой линии гласный *ять* произносят всегда как гласный *е*: *хлеб, лето, вера, хлебен, летен, верен*. К востоку от этой линии *ять* произносится в зависимости от различных фонетических условий (от твердости или мягкости последующего согласного), то как *я*, то как *е*. Это так называемое „я променливо“: *хляб, но хлебен, лято – летен, вяра – верен, тясно – тесен* и т. п. Эта закономерность лежит и в основе литературного болгарского языка. Она свойственна и балканским говорам. Однако в юго-восточных болгарских говорах *ять* под ударением произносится как *я*, независимо от качества предыдущей согласной: *хлябен, лятен, вярен, тясен, дя, къдя, дубря*. Именно этот тип произношения ятя характерен для благоевского говора. Здесь произносят: *в'ажди, н'айди, р'асни, р'ажя, св'аш, ср'аштам, с'ами, т'ами, цв'ати, йад'ани, м'асиц, п'асна, п'айа, л'атин, в'ар'ен, гул'ами, л'ашник и т.п.* (ср. болг. лит. *вежди, нейде, ресни, режа, свец, срещам, семе, теме, цете, ядене, месец, песен, пея, летен, верен, големи, лешник*).

Диагностирующим признаком является также и степень редукции безударных гласных – для северо-восточных болгарских говоров характерна сильная редукция безударных гласных *o* и *e* (*никуй, дувезаха, йадинту, убличат, султъ, нешту, мумата, негувата*), в юго-восточных говорах степень редукции слабее (*никой, дувезаха, йаденето, обличат, солтъ, нешто, момата, неговата* и др.).

Для юго-восточных говоров характерна стабильность консонанта /x/, а в северо-восточных *x*, как правило, выпадает в начале слова, в середине и в конце (*убав, уро, ора, айта, агъл, аресам, арман, ил'ада: муйа, дрейа, снаа, маала; б'ау, тию и т.п.*), в благоевском говоре: *хубав, хуро, хора, хайта, хагъл, харесам, харман, хил'ада, муха, дреха, снаха, махла, б'ах, тих, прах* и т.п. Кроме того, *x* употребляется в заимствованиях из украинского или русского языка на месте *г*: *хулубец* (голубець), *хустинци* (гостинці), *хулуба краска* (голуба), *харди-рон* (гардероб), *халстук* (галстук), *ухол* (угол), *хас* (газ), *харба* (гарба), *крухла* (кругла), *ухля* (уголь) и др. Подобное явление, на наш взгляд, обусловлено наличием в говоре особого придыхательного согласного *г*, характерного и для турецкого языка. В некоторых словах находим и протетическое *х*: *Хадес* (Одесса), *Ханюта* (Анюта), *харанник* (арапник) и др. Отсутствие *x* в начале слова находим только в слове *хрумна* (в говоре *румна: Йас ми румна*).

Характерной особенностью всех юго-восточных говоров является и так называемое „*претнато*” ударение – на первом слоге в формах повелительного наклонения и некоторых существительных: *гОдина* (*Яс бях три гОдинки*), *Обици, врАпче* (враче), *жЕни, брАшно*, в глаголах (*Играха хуро. Ши нАправа*) и др.

Для образования форм будущего времени в благоевском говоре используется две частицы – *ки* и *ши*, что свидетельствует о смешанном характере говора. Частицы будущего времени *ке/ки* характерны для юго-восточных болгарских говоров, в Благоево встречаются реже, чем *ши*: *Ки дойдим в нези. Ки си изригам ч'ервата. Ма йат, ки са из'ам. И съ т'ухкаши да усп'ей да свари на мъжъ, бу той скороу ки си дойди ут рабута. Май, ки направа вар'еники.*

С частицей *ши, ше, ш:* *Ква мандж'а н'еска ши готвиш? Бабити по ше знаят. Ми са спи, жад'ан съм за сън, шида да си л'егна. Кой по-скору ши уткрадни ицата – камън'чита, ши пуб'еди. На утри ши направим баница. Ш та направа на дармон. Ш та кон'ч'ат. Вѝй, ши ми ид'е гъзь! Уд ништу ши направи н'ашту.* Иногда в одном и том же предложении употребляют и *ки*, и *ши*: **Ки** *збир'еш гроздиту и ши направим'е вину и ут дж'убри.*

В исследованных нами юго-восточных болгарских говорах Украины частица *ки* образует будущее время в говорах сел Терновка, Катаржино, Парканы, а *ши* – в Кулевче. В области морфологии дифференцирующими также являются окончания глаголов настоящего времени в 1 л. ед. и 3 л. мн. числа. Для выходцев из Ямбольского округа характерно, например, особое соотношение окончаний глаголов в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.: *ас рабута, рива, кришта, но те рабутът, ривът, криштът* (ср. лит. *аз работя, те работят*). Эта особенность характерна и для благоевского говора: *йас спа, свира, врава, гона, са глава, носа, права, помна, пърла, прата, спа, свира, тегла* (ср. болг. лит.: *гоня, главя се, нося, правя, помня, пърля, пратя, спя, свиня, тегля*), *те йадът, пуйдът, пуигрът, танцувът, благословът, дугуварът, са главът* и т. п.

Среди других фонетических и морфологических особенностей следует отметить следующие: 1) сочетание *-ръ-*: *дръпам, кърпа, дръжа, дръвян, гърди, сръбам, тръса, врава* (в литературном болгарском языке в этих случаях употребляется *-ър-*: *дърпам, кърпа, държа, дървен, гърди, сърбам, тръся, вървя, но зърну, гърлу, гърмел*); 2) лабиализация гласных *е*, и в у в лексемах: *жув, жувяха, ячумик, чуляк, джурри*; 3) элизия согласной *в* в некоторых лексемах: *удиница* (воденица), *удувец* (вдовец), *чаун* (чавун), *уда* (и вуда), *улови* (волове); 4) наличие африкаты *дз*: *дзардзала, мърдзелив, надзъдя, дзъдната (задната)* и др.; 5) йотация в лексемах *йедар, йефтин, йас* (ср. лит. *едър, евтин, аз*); 6) наличие специфических юго-восточных форм местоимений: *яс, незин, незина, незяна (падрушка незяна), незини, нейзи, това* (вм. *този*); 7) артикль существительных мужского рода *ъ* (под ударением: *на прагъ, кракъ, снегъ*), *а* (в безударном слоге: *на стола, на кривета*);

8) наличие специфического глагольного суффикса *-ува-* в формах настоящего времени: *вразувам, дарувам, казувам, запалувам, замясувам, заключавам, дукарувам, са махнувам, булкувам, харизувам/харизуам* и др.

На лексическом уровне при разграничении север – юг наиболее характерны противопоставления *дъщеря – щерка* ‘дочь’, *стан – разбой* ‘ткацкий станок’, *зеле – лахна* ‘капуста’, *гълча – хуртувам* ‘говорить’, *черница, ягуда – дудала* ‘шелковица’, к ним можно добавить также лексемы, характерные для фракийских говоров, – *джубринки* ‘шкварки’, *пашмол* ‘кокон’, *кутел, върбило, карпуза, куптор, л’улек* ‘аист’ и др. В Благоевском говоре у жителей 2 квартала нами не зафиксированы лексемы *лахна, дудала, люлек*, их соответствия в говоре – *зеле, черница, штъркел*. Но активно употребляются типичные для юго-восточных говоров лексемы *разбой, хуртувам, хурата, джубри, джубринки, карпуза* (*диня* ‘арбуз’), *синия* (софра), *шумник* (туалет), а также раритетные лексемы *улашка* (*царевича* ‘кукуруза’), *зунга* (*дъга* ‘радуга’), *чест* (*гъст*), *кунди* (*мальк пръст* ‘мизинец’), *интишия* (*гривна* ‘браслет’), *кирда* (‘отара овец’), *паликош* (‘костер’), *цълкън* (*салкъм* ‘акация’), *дал, далче* (*клон, клонче* ‘ветка’), *кози рог* (сорт пипер), *галбушина* (*сухи листа на царевича*), *латура* (*триеница*), *камара* (кровянка), *транка* (*трака*), *бацкам* (целувам; удряю), *калеку* (муж маминой сестры), *куда* (главно лице на Коляда), *бубота* и др. Лексема *върба* в говоре имеет обобщающее значение – дерево. Лексема *баница* употребляется в Благоево и в некоторых других юго-восточных переселенческих говорах, а также в Огородном (Чийшия), в остальных болгарских бессарабских селах слоеный пирог с брынзой или творогом называется *милина*. Другие названия изделий из теста в исследуемом говоре: *прянник, кукличка, кулач, плачинки, лангиди* и др.

Почти все переселенческие юго-восточные болгарские говоры испытали огромное влияние украинского языка. Назовем некоторые наиболее частотные заимствования: *бо, байдужи, байструк, бричка, брехлив, бреша, брошка, бриль, бичок, виделка, картус, улик, чобути, драбина, кодло, шкода, череда, клямка, шпак, хмара, хмарно, хрусти-*

ки, сирники, пирушки, хеть, хоть, фартух, сподник, сподня, тельник, твинчи и др. Наиболее активной в словообразовательном отношении является лексема *балакам*, от которой образованы производные: *балачка (седянка)*, *забалакам*, *прубалакам*, *балакуч* и др.

К диагностирующим чертам юго-восточных болгарских говоров следует отнести и лексемы свадебной терминосистемы. Это лексемы: *главеж*, *главеник*, *главеница*, *препив*, *замески*, *слугняк*, *измекчия*, *либовник*. Лексема *главеш* фиксируется только в южноболгарских говорах, которые представлены в селах Благоево, Кубанка, Свердлово, Знаменка, Терновка, Кулевча, Суворово. В остальных селах употребляется лексема *годеж* (как и в литературном болгарском языке). Этимология лексемы *главеш* объясняется Н. Державиным следующим образом: „Нередко во время помолвки молодые соединяли головы, что, вероятно, для болгарской культурной традиции было особенно значимо, поскольку вызвало к жизни разнообразные термины, образованные от общей основы *глав-*: *углава*, *оглава*, *главеник*, *главеница* и др.” [2, с. 89]. Однокоренным является и название подушки в этих говорах – *главница*, а также название перстня – *главенич*, который обязательно дарят на помолвке. В Благоево во время помолвки дарят *пръстьян – гу дават на главеша*.

Диагностирующими для севера и юга являются названия предсвадебного обряда *засевки – засяф*, *засефки* в северо-восточных говорах и *замески*, *замяски*, *замиски* в южных (фракийских), в том числе и в благоевском говоре. *Замяски* в Благоево проходят обычно в четверг. Среди названий обрядовых лиц диагностирующими в исследуемых говорах могут быть названия сватов. Так, в метрополии в Восточной Болгарии сватов называют *сватовници*, *женехли*, во Фракии – *слугаре*, *сгодичаре*, *прателци*, *прателници*, *момаре* (Родопи, Фракия), в Страндже – *слюбници* у рупцев, *главешници* – у загорцев, *прателници* – у тронков. В Благоево сохранилась характерная для фракийских говоров лексема *слугник – сватовник*.

В календарной обрядности среди наиболее ярких особенностей представителей основных этнографических групп бессарабских болгар исследователи отмечают: длительное сохранение праздника *Куже-*

ровден у фракийских болгар, не зафиксированного в других группах. Если *таласъми*, *самудиви*, *орисници* известны почти всем носителям переселенческих говоров, то лексема *караконджол* фиксируется только в юго-восточной Болгарии и соответственно и в юго-восточных переселенческих говорах, в том числе и в Благоево. Специфическим для Благоево является праздник *Лажички*: *Лажички пирит Масл'аница. На Лажички са збираха на баира хора, прават хуро пу дв'а мумичита, п'асни пу оч'ер'ет' п'аха. На Лажичит'е п'ейат на баира п'асни, играиха хуро в махлата.*

Таким образом, анализ диагностирующих диалектных элементов дополняется глубинными „этнокультурными сигналами”, многие из которых скрываются в самих закономерностях организации мотивационной структуры обрядовой терминосистемы. Как видим, фракийские переселенческие говоры не являются едиными. Их объединяет южный тип рефлексов *ятя*, тип ударения, стабильность консонантов *х* и *ф*, употребление *ъ* после плавного в сочетаниях *-ръ*, *-лъ-*, причастия *душли*, *били*, глагольная форма *бих*, специфическая свадебная терминология. Все они испытали значительное влияние украинских говоров. В отличие от других фракийских говоров одесской подгруппы, в исследуемом благоевском говоре фиксируем артикль существительных мужского рода *ъ* и вариативные пары лексических маркеров, что свидетельствует о смешанном типе говора. Важность изучения южных болгарских, в том числе и фракийских, говоров неоднократно отмечалась славистами. Это обусловлено отчасти и тем фактом, что они представляют собой естественное продолжение родопских и солунских говоров, носителями которых, как известно, были Кирилл и Мефодий. Не следует забывать и о том, что говор села Сухо близ Солуни, описанный В. Облаком в 1898 г., принадлежит также к южным болгарским диалектам.

В южном ареале распространены сохранившиеся староболгарские формы винительного падежа на *-ен* – *камен*, *ремен*, *кремен*, *ечмен*, что говорит о древности границы север – юг, о чем не раз говорили и ранее диалектологи. Как отмечает известный болгарский

диалектолог И. Кочев, деление север – юг является наиболее архаичным: „Если бы мы снова попытались ответить на вопрос, поставленный некогда Б. Цоневым, „Какие новоболгарские говоры находятся ближе всего к староболгарским?“ (но уже комплексно на всех уровнях, т.е. не только на лексическом), то ответ определенно может быть только один – юго-восточные” [4, с. 27]. В результате исследования юго-восточных болгарских говоров Т. Бояджиев приходит к выводу, что общность южнофракийских говоров с солунскими является не результатом взаимодействия, а следствием „былой и настоящей общности всех южноболгарских диалектов” [1, с. 89].

Список использованной литературы

1. Бояджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия / Т. Бояджиев. – София : Св. Климент Охридски, 1991. – 276 с.
2. Державин Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии) / Н. С. Державин. – София : Мартилен, 1914. – 260 с.
3. Дихан М. 200 години Благоево / М. Дихан. – Одесса : Черноморие, 2002. – 224 с.
4. Кочев И. За диагностиращите черти на българските диалекти / И. Кочев // Български език, – 1991. – № 4. – С. 27–44.
5. Колесник В. Към вопроса за произхода на Кулевчанския говор (Украйна) / В. Колесник // Слов'янський збірник: зб. наук. пр. – Чернівці : Букрек, 2016. – Вип. 20. – С. 8–20.

References

1. Boyadzhiev T. Blgarskite govori v Zapadna (Belomorska) i Iztochna (Odrinska) Trakiya / T. Boyadzhiev. – Sofiya : Sv.Kliment Okhridski, 1991. – 276 s.
2. Derzhavin N. S. Bolgarskie kolonii v Rossii (Tavrisheskaya, Khersonskaya i Bessarabskaya gubernii) / N. S. Derzhavin. – Sofiya : Martilen, 1914. – 260 s.
3. Dikhan M. 200 godini Blagoevo / M. Dikhan. – Odessa : Chernomorie, 2002. – 224 s.

4. Kochev I. *Za diagnostirashchite cherti na b"lgarskite dialekti* / I. Kochev // *Blgarski ezik*, – 1991. – № 4. – S. 27–44.
5. Kolesnik V. *K"m voprosa za proizkhoda na Kulevchanskiya govor (Ukrayna)* / V. Kolesnik // *Slov'yans'kyu zbirnyk: zb. nauk. pr.* – Chernivtsi: Bukrek, 2016. – Vyp. 20. – S. 8–20.

В. О. Колесник

ДІАГНОСТУЮЧІ РИСИ БОЛГАРСЬКОЇ ГОВІРКИ с. ВЕЛИКИЙ БУЯЛИК (БЛАГОЄВО)

У статті досліджуються основні фонетичні, морфологічні та лексичні маркери говірки села Великий Буялик (старі назви: Кошково, Благоєво), яка належить до південно-східних болгарських говірок фракійського типу. Риси південно-східних болгарських говірок фіксуємо на усіх рівнях. На фонетичному рівні це рефлекси ятя, стабільність консонантів *x* та *ф*, наявність протетичного *x*, йотація голосних на початку слова, особливий тип наголосу – на першому складі в іменниках і дієсловах наказового способу, слабка редукція ненаголошених голосних та ін. На морфологічному рівні це наявність специфічних займенників (*йас*, *незин*, *незина*), які характерні для говірок фракійського типу, та частка майбутнього часу *ке*. Значна кількість лексичних маркерів вказує на фракійський тип говірки. Це такі лексичні маркери: *разбой* ‘ткацький верстат’, *хуртувам* ‘говорити’, *хурата* ‘слово’, *джубринки* ‘шкварки’, *карпуза* ‘кавун’, *синия* ‘низенький столик’ та інші. До раритетних належать лексеми *дал*, *далче* ‘гілка, гілочка’, *транка* ‘дзвіночок’, *бацкам* ‘цілувати, вдарити’, *бубота* ‘кукурузне борошно’, *ватральче* ‘кочерга’ та інші. Велика кількість запозичень з української мови (*балакам*, *балакуч*, *балачка*, *бо*, *бричка*, *бреша*, *бичок*, *виделка*, *драбина*, *клямка*, *шпак*, *хмара*, *хмарно*, *сирники*) зумовлена україномовним оточенням. Типовою для фракійських говірок є весільна термінологія (*главеш* ‘заручини’, *главеник* ‘наречений’, *слугиня* ‘кухарка’). Унікальними є назви деяких свят, не зафіксованих в інших болгарських діалектах Бессарабії (*Лажички*).

Ключові слова: болгарська діалектологія, болгарські переселенські говірки, фракійські говірки, фонетичні, морфологічні та лексичні маркери, українізми.

V. O. Kolesnik,

Doctor of Philology,

Professor of Bulgarian Phylology Department

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel.: +380487252488

DIAGNOSTIC FEATURES OF THE BULGARIAN DIALECT OF THE VILLAGE OF BOLSHOY BUYALYK (BLAGOEVO)

Summary

The article deals with the basic phonetic, morphological and lexical markers of Blagoevo village's dialect (previous name: Koshkovo, Great Buyalyk) which is one of the south-eastern Bulgarian dialects of the Thracian type. We fix the features of the southeastern Bulgarian dialects at all levels. On the phonetic level: yatya reflexes, stability of the consonants h and f, the presence of prosthetic x, iotation vowel at the beginning of words, special type of stress – on the first syllable of nouns and verbs in the imperative, weaker reduction of unstressed vowels, and others. At the morphological level, there is the presence of specific pronouns (yas, nezin, nezina), which are typical for Thracian dialects and the particle of the future time ke. A significant amount of lexical markers indicates the Thracian type of the dialect. These lexical markers are: *razboy* (loom), *hurtuvam* (to talk), *hurata* (word), *dzhubrynky* (cracklings), *karpuz* (watermelon), *siniya* (a low table – sofa) and others. Rare markers are: *dal*, *dalche* (twig), *trunka* (bell), *batskam* (kissing, hit), *bubota* (maize flour), *vatralche* (poker) and others. Due to the Ukrainian-speaking environment there are a large number of loan words from the Ukrainian language (*balakam* (to talk), *balakuch* (talkative), *balachka* (gathering), *bo* (because), *brichka* (waggon), *bresha* (lie), *bychok* (bull calf), *vydelka* (fork), *drabyrna* (stairs), *klyamka* (a type of lock), *shpak* (starling), *hmara* (cloud), *hmarno* (cloudy), *sirnyky* (matches). Wedding terminology is typical for Thracian dialects (*glavesh* “engagement”, *glavenik* “bridegroom”, *sluginya* “cook”). There are also unique names of the holidays that are not recorded in any other Bulgarian dialects of Bessarabia (*Lazychki*).

Key words: Bulgarian dialectology, Bulgarian resettlement dialects, Thracian dialects, phonetic, morphological and lexical markers, Ukrainisms.

Надійшла до редакції 20.07.2017 р.